

**Наталья
Александрова**

ПРОКЛЯТИЕ ОСИРИСА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Редактор серии *Л. Латышова*

Дизайн обложки *С. Курбатова*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 Проклятие Осириса : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-240577-8

Знаменитый Эрмитаж подвергся дерзкому нападению — ничего не было украдено, но злоумышленник зачем-то сдвинул с места каменную статую египетского писца. Кто-то разыскивает древнейшую математическую формулу и не остановится ни перед чем для ее обладания. Реставратору Дмитрию Старыгину необходимо первому найти таинственный папирус, именно в нем зашифровано послание египтян к своим потомкам. В поисках все-сильного артефакта, дающего власть над миром живых и мертвых, Дмитрию противостоит магическое проклятие и неведомые силы, которые также желают завладеть заветным сокровищем...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н.Н., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-240577-8

сторожно, здесь ступеньки! — предупредил меня провожатый. И, несмотря на это, я все же споткнулась и чудом не свалилась в лестничный пролет. Хорошо, что в последний момент меня поддержал заботливый Порфирьич.

В темноте негромко зарокотали барабаны, и в ту же секунду вспыхнуло несколько факелов, осветив заброшенный участок кладбища. Покосившиеся кресты, безымянные могилы, чуть заметные холмики, скрывающие останки каких-то безвестных бедняков. От неровного, трепещущего света факелов окружающий мрак стал еще чернее.

На заржавленном железном кресте криво висел венок искусственных цветов. Белые пластмассовые лилии неестественно ярко выступали из темноты.

Несколько десятков мужчин и женщин, выступив из мрака, создали живое кольцо.

Белые одежды, черные лица, возбужденно горящие глаза, устремленные в центр круга.

Рокот невидимых барабанов усилился, в воздухе сгустилось невыносимое напряжение. Вдруг на середину круга вырвалась совсем юная девушка в коротком белом платье, с безумными, невидящими глазами. Она завертелась волчком, заметалась в каком-то диком, первобытном танце, подчиняющемся только древнему голосу ночи и бешеному ритму барабанов. Запрокинув голо-

ву, широко открыв безумные глаза, девушка понеслась по кругу.

Черные лица участников церемонии замелькали перед ней, сливаясь в сплошной круг — круг из горящих от возбуждения глаз, из приоткрытых в беззвучном крике ртов.

Вдруг одно лицо выступило из этого круга — единственное на этом кладбище спокойное лицо, старое, изрезанное морщинами лицо жреца — бабалоа.

Девушка застыла перед ним, как пронзенная стрелой антилопа, упала на черную кладбищенскую землю и забилась в конвульсиях. На губах ее выступила пена.

Старик выступил из круга, приблизился к ней и вдруг резким жестом выбросил вперед правую руку.

В его руке трепетал черный петух.

Бабалоа выкрикнул короткое заклинание на древнем языке йоруба и широким взмахом ножа отсек петуху голову.

Обезглавленная птица, выплеснув фонтан крови на бьющуюся в конвульсиях девушку, понеслась по кругу. На губах девушки белая пена смешалась с алой кровью.

Участники церемонии в волнении не сводили глаз с безголового петуха. Они застыли в безмолвном ожидании, только барабаны били из темноты тревожной волнующей дробью.

Вдруг петух резко изменил направление, пронесся зигзагами через окруженное людьми ярко освещенное пространство, захлопал крыльями и упал на черный могильный холмик, единственный свежий холмик на этом участке кладбища.

Десятки глоток исторгли взволнованный, торжествующий вопль, и тут же ритм барабанов изменился, в нем зазвучало что-то нечеловеческое, доисторическое,

и в ту же секунду круг рассыпался, и десятки мужчин и женщин заметались в безумном танце.

Девушка в окровавленном платье, с красными от крови губами, поднялась, с сонным лицом лунатика медленно пошла через ряды танцующих — и все расступались перед ней, пропускали ее и провожали взглядами.

Девушка шла к той же безымянной могиле, возле которой упал жертвенный петух.

И вдруг из темноты, окружающей участников церемонии, вышел еще один человек.

Человек ли?

Высокая, необычайно худая фигура в черном фраке и цилиндре, длинная черная трость в правой руке, необычайно белое, словно высеченное из мрамора, лицо — на глазах круглые черные очки, завораживающе медленные движения.

Танцующие застыли, испуганно следя за приближающимся.

По их рядам пробежал тихий взволнованный шепот: — Барон Суббота!.. Барон Суббота!.. Барон Суббота!..

Барон Суббота, страшный повелитель мертвых, расхаживающий по ночам среди могил в окружении призраков и оборотней...

Все невольно подались назад.

Только девушка с окровавленным ртом продолжала медленно идти навстречу таинственной фигуре, постепенно сближаясь с ней, да старик бабалоа стоял чуть в стороне, наблюдая за происходящим взволнованно, но без колебаний, как опытный режиссер из-за кулис наблюдает за первой постановкой пьесы.

Когда девушка и незнакомец во фраке почти сошлись и между ними остался только могильный холмик с лежащей на нем птичьей тушкой, барабаны мгновенно смолкли.

Все замерли, не дыша и не своя с этих двоих взглядов.

И тогда земля на холмике зашевелилась.

По рядам участников церемонии пронесся вздох.

Девушка встряхнула волосами и выбросила вперед тонкие руки.

Незнакомец, опираясь на трость, тоже поднял левую руку, как будто приветствуя присутствующих. Или, возможно, того, кто поднимался из-под земли.

Холмик затрясся, по нему пошли трещины, и наконец земля разверзлась. Из-под нее показалась человеческая фигура.

И тогда снова глухо и страшно зарокотали невидимые барабаны.

— Держи, Серега! — раздраженно прохрипел Антипов, с трудом удерживая свой край тяжеленного ящика. — Ты что, блин, спишь на ходу? Или со вчерашнего еще не оклемался? Сейчас бы уронили эту гагару, вот бы нам потом от начальства влетело!

— Да ты че, Антипыч! — отмахнулся Серега, приподнимая свой край. — Мы что с тобой — первый раз, что ли? Разве когда роняли?

Они протащили ящик по узкому коридору и оказались на пороге кладовой. Тут Серега крякнул и снова приподнял свой край, чтобы перетащить ящик через порог, но не удержал и выронил его.

Ящик грохнулся об каменный пол, от него отлетела боковая доска.

— Я ж тебе говорил! — Антипыч добавил несколько крепких выражений. — Говорил тебе, лопуху, — держи его как следует!

— Да чего этим ик... спонатам делается? — проговорил Серега, потирая затылок. — Они пять тыщ лет проле-

жали и еще столько же пролежат! Потому как офигительно крепкие! Так что ты насчет этого не бойсь... и ваще, Антипыч, чего ты так начальства боишься? Ну что они тебе могут сделать? Уволить, что ли? Да где они других таких дураков найдут, чтоб за такие гроши так корячились?

Антипов, не слушая напарника, тоскливо взирал на поврежденный ящик и представлял, сколько завтра будет шума.

— Да перестань, Антипыч! — проныл Серега. — Подумаешь, доска отлетела! Говорю тебе — ничего ему не делается!

Он наклонился, чтобы снова поднять ящик, и вдруг застыл, к чему-то прислушиваясь.

— Ну, чего ты ждешь? — раздраженно проговорил Антипов, взявшись со своего конца. — Поднимай, совсем чуток осталось!

— Тише, Антипыч! — прошептал Серега. — Ты ничего не слышишь?

— А чего я должен слышать? Как у тебя в башке от вчерашнего шумит? Так это, кроме тебя, никому не слышно!

— Да нет! — Серега опасливо уставился на ящик. — Вроде там внутри кто-то есть...

— Ну, Серега, тебе точно надо с этим делом завязывать! — вздохнул Антипов. — Этак ты скоро совсем до чертиков допьешься! Небось еще и мешал вчера водяру с портвейном! Было?

— Было! — горестно признался Серега. — Но только там точно кто-то...

— Кончай ты это! — прикрикнул на него Антипов. — Берись за свой край! И так мы уже невесь сколько времени тут провозились!

Они втащили ящик в кладовку и поставили на другой такой же. Этот был последний на сегодня. Да-

же, если честно — лишний. В накладной было написано про восемь ящиков, а в кузове машины их оказалось девять. Ответственный за приемку сотрудник долго морщил лоб и не знал, как поступить с лишним ящиком, но потом махнул рукой и велел такелажникам разгружать все подряд и тащить в подвальное помещение. Завтра с утра придет Мария Антонова, заведующая отделом, и разберется с этим лишним ящиком.

Сергея протопал по коридору, что-то бормоча себе под нос, и хлопнул входной дверью. В подвале наступила тишина. Антипов вытер руки вафельным полотенчиком и повернулся спиной к ящикам, чтобы повесить его на гвоздь. И тут у него за спиной раздался негромкий, но отчетливый скрип, как будто кто-то открывал рассохшуюся дверь. Или отдирал крышку от деревянного ящика.

Антипов замер.

Он почувствовал, как волосы на голове зашевелились от страха. Раньше он думал, что такого не бывает, что шевелящиеся от страха волосы — это выдумки досужих болтунов. А теперь его волосы действительно зашевелились и встали дыбом.

— Кто здесь? — проговорил Антипов внезапно охрипшим голосом.

Ему никто не ответил. Да и кто мог ему ответить? В подвале, кроме него, не было ни души.

Он подумал, что странный скрип просто померещился, и осторожно перевел дыхание, но этот звук снова раздался в тишине подвала. Мало того, вслед за ним послышалось чье-то напряженное, хриплое дыхание и, как ему показалось, приглушенное рычание.

Такелажник медленно повернулся, чтобы взглянуть на источник странных звуков.

Чертов ящик — тот самый, который они только что так неловко уронили, — лежал на прежнем месте. Но его верхняя стенка была оторвана и сдвинута в сторону.

Антипов попятился, не сводя испуганного взгляда с этого полуоткрытого ящика.

Он отступил к самой двери, еще немного, еще один шаг — и можно будет выскочить из кладовки, запереть ее и припустить прочь из подвала наверх, к солнечному свету, к живым людям...

И тут свет в подвале погас, и в ту же секунду на голову Антипова обрушился страшный удар.

Михаил Михайлович Сапунов наполнил электрический чайник отфильтрованной водой и нажал кнопку. Наступало самое трудное время дежурства — от трех до пяти утра ему было особенно тяжело бороться со сном, поэтому Михаил Михайлович решил приготовить чашку крепкого кофе.

Сапунов был отставным майором. В прежние времена военной пенсии ему вполне хватило бы для безбедного существования, но эти времена давно прошли, и Михаил Михайлович очень обрадовался, когда племянник Костя предложил ему место ночного дежурного в Эрмитаже.

Кроме того, что зарплата дежурного помогла ему залатать многочисленные прорехи в семейном бюджете, эта работа давала возможность поменьше видеться с женой и тем самым сберечь нервные клетки, которые, как известно, не восстанавливаются. Последнее время Катерина стала совершенно невыносима. С тех самых пор, как майор Сапунов вышел в отставку, Катерина пилила его с утра до вечера без перерыва на обед, без выходных и без отпуска. Когда-то в цирке Сапунов видел, как фокусник распиливает свою ассистент-

ку. Так вот Катерина дала бы тому фокуснику сто очков вперед.

Михаил Михайлович вздохнул, насыпал в фаянсовую кружку с изображением яркого петуха две ложки гранулированного кофе, подумал и добавил третью. Положил немного сахара, залил кофе кипятком и повернулся к голубоватым экранам мониторов, за которыми ему полагалось наблюдать, не отвлекаясь на посторонние соображения.

Правый экран в нижнем ряду был покрыт тусклой сероватой рябью, словно поверхность Невы в пасмурный осенний день.

Михаил Михайлович снова вздохнул и вытер крупную наголо выбритую голову клетчатым платком.

Наверняка чертова камера опять барахлит. Он сто раз говорил начальнику охраны Евгению Ивановичу Легову, что камеры в залах никуда не годятся, что их нужно заменить, но разве кто-нибудь будет слушать простого охранника, даже если тот отставной майор войск связи? Легов только отмахивался.

Но соблюдения инструкции он требовал от своих подчиненных неукоснительно, а по инструкции, если изображения с камеры нет, охранник должен пойти в соответствующий зал и лично убедиться, что там все в порядке. И только попробуй не убедись — Легов выгонит с работы в двадцать четыре часа.

Правый монитор в нижнем ряду — это египетский зал. Даже кофе не выпить!

Сапунов тяжело поднялся, с сожалением взглянул на дымящуюся кружку и направился в этот проклятый египетский зал.

Эрмитаж ночью выглядит совсем не так, как днем, когда его наполняют шумные многоязычные толпы туристов.

Ночью залы музея кажутся таинственными и страшноватыми. Яркие люстры погашены, горит лишь скудное дежурное освещение, отчего изменяются все пропорции залов, они кажутся гораздо больше, возникает множество темных углов и закоулков.

Из этих темных углов мрачно и подозрительно выглядывают старинные портреты, бледный лунный свет, проникая сквозь сиреневые стекла восемнадцатого века, окрашивает их в зловещие мертвенные цвета, тихо поскрипывает рассохшийся паркет — так и кажется, что в соседнем зале кто-то ходит...

Михаил Михайлович спустился на первый этаж, пересек зал римского скульптурного портрета, покосившись на высокого надменного человека в коротком плаще, миновал небольшой коридор, соединяющий две части музея, спустился по короткой широкой лестнице и оказался в том самом египетском зале.

С первого взгляда все здесь было в полном порядке. Да и кому придет в голову проникать сюда посреди ночи? Кому могут понадобиться тяжеленные каменные саркофаги, деревянные статуи давно умерших людей или плиты с непонятными надписями?

Честно говоря, отставной майор Сапунов вообще не понимал, что люди находят в этих допотопных черепках, каменных обломках и деревянных статуэтках. Если уж на то пошло, фарфоровые собачки, которых собирала его жена Катерина, были куда привлекательнее. Но это, в конце концов, не его дело. Его дело — следить за порядком на вверенной территории, чем он сейчас и занимался.

Михаил Михайлович решил на всякий случай обойти подозрительный зал по периметру и вернуться в дежурку, где его дождалась остывающая кружка кофе.

Он прошел мимо стеклянных витрин с похоронными принадлежностями древних египтян, с керамиче-

скими фигурками — ушебти, которые клали в могилу каждого знатного человека (о чем, впрочем, отставной майор не имел ни малейшего представления), прошел мимо укрытой стеклянным колпаком мумии, запеленатой в потемневшие от времени льняные полосы, мимо огромного саркофага из серого песчаника. Именно этот саркофаг закрывал от него дальнюю часть зала, и теперь, обойдя его, охранник увидел, что в данном помещении далеко не все в порядке.

Небольшая каменная статуя сидящего писца, которой полагалось находиться в витрине рядом с другими такими же статуэтками, сидела на полу посреди зала и смотрела на Сапунова с откровенной издевкой. Ноги древнего египтянина были сложены кренделем, на коленях покоилась табличка, в которой он делал свои пометки.

— Это что такое? — возмущенно выдохнул отставник, шагнув к недисциплинированному египтянину. — Что за беспорядок?

Инструкция требовала во всех подобных случаях немедленно связываться с начальством, но отставной майор Сапунов знал по собственному опыту, как не любит начальство, когда его будят в самый мрачный час ночи, и решил для начала убедиться, что все действительно так, как ему представилось. Потому что еще больше то же самое начальство не любит, когда его будят *напрасно*.

Сапунов приблизился к подозрительному писцу и убедился, что все обстоит именно так, как ему представилось с первого взгляда, а именно: каким-то преступником нарушена герметичность витрины с экспонатами. Часть экспонатов разбросана по полу, а самый крупный экспонат — статуэтка сидящего писца — отнесен на достаточно большое расстояние от витрины.

Михаил Михайлович потянулся за переговорным устройством, чтобы вызвать старшего по смене и переложить на него чрезвычайно трудную задачу принятия решения, как вдруг за спиной у него послышались мягкие крадущиеся шаги.

Эти шаги были такими легкими, что в первую секунду Сапунов не понял, что к нему кто-то приближается. Он подумал, что снова слышит скрип рассохшегося паркета. Однако вскоре к этому скрипу присоединилось хриплое дыхание. Михаил Михайлович обернулся, чтобы разглядеть приближающегося человека, но не успел этого сделать, потому что на голову ему обрушился страшный удар, и свет в глазах отставного майора Сапунова моментально потух.

Хватились дежурного только часа через два, когда проверили мониторы и на одном заметили беспорядок в зале и лежащее тело. Пока сбежались, пока приводили его в чувство, настало утро и подросли остальные сотрудники. Теперь все сгрудились в зале, переживая и любопытствуя.

В дальнем конце зала послышались легкие торопливые шаги, и появился невысокий пухленький человечек с круглым румяным лицом и лысоватой головой, в котором присутствующие узнали заместителя директора по безопасности Евгения Ивановича Легова.

Тех, кто видел его впервые, легко могли ввести в заблуждение румяные щеки Легова, маленькие ручки и голубые детские глаза. Но его внешность была обманчива — голубые глаза способны были метать громы и молнии, маленькие ручки могли сжиматься в каменные кулаки, а тихий голос мог превращаться в угрожающий рык.

Вот и сейчас, раздвинув сгрудившихся вокруг вскрытой витрины сотрудников, он рывкнул:

— Почему в зале посторонние?

Голос Легова обладал таким воздействием на окружающих, что все присутствующие, независимо от занимаемой должности и научного авторитета, почувствовали себя посторонними и постарались незаметно ретироваться, так что через две минуты на месте происшествия остался только сам Легов, двое его подчиненных и заведующая египетским отделом Мария Антоновна, аккуратная старушка в строгом синем костюме и блузке с белоснежным отложным воротничком.

— Что у вас пропало? — холодно осведомился Легов, быстрым внимательным взглядом оценив разрушения и повернувшись к Марии Антоновне.

Заведующая отделом сложила руки на груди и сообщила сухим, как папирус, шелестящим голосом:

— Я проверила, все единицы хранения целы, только перемещены... удалены со своих мест...

— Значит, не кража... — Легов облегченно вздохнул и вытер платочком розовую лысину. — Значит, хулиганство...

Он обошел вокруг поврежденной витрины, осторожно ступая и внимательно глядя себе под ноги, и остановился над каменным писцом.

Древний египтянин выглядел совершенно как живой. Он сидел на небольшом возвышении, удобно скрепив ноги, и что-то старательно писал на каменной табличке.

Евгений Иванович отчего-то вспомнил, как сам он в начале рабочего дня делает пометки в своем ежедневнике. Он даже машинально заглянул в записи египтянина, но, разумеется, на табличке были нанесены совершенно непонятные значки. Вообще, у него самого определенно было некоторое сходство с этим доисторическим чиновником. Такая же круглая безволосая го-

лова, такая же начальственная уверенность во взгляде... только, пожалуй, в лице египтянина проглядывала несвойственная Евгению Ивановичу насмешка.

Легов отбросил эти несвоевременные мысли и сосредоточился на обстоятельствах дела.

Каменного египтянина вытащили из витрины и усадили на свободное место посреди зала. Евгений Иванович осмотрел пол. Рядом с каменным писцом валялось несколько мелких безделушек, осколки стекла из разбитой витрины усеивали пол, как льдинки, хрустели под ногами.

— Свет! — скомандовал Легов, ни к кому не обращаясь. Один из его подчиненных мгновенно приволок переносной фонарь, заливший пол ярким белым светом. Евгений Иванович наклонился, прищурил глаза.

В боковом освещении он разглядел неясный след, отпечаток ботинка.

Примерно сорок третий размер, неброский рисунок подошвы.

Тот, кто оставил этот след, стоял прямо за спиной у каменного египтянина, как только что Легов, через его плечо заглядывал в табличку.

Скорее всего это след преступника... хотя, возможно, и нет.

— Где... пострадавший? — Легов повернулся к своему помощнику. — Госпитализирован?

— От госпитализации пока отказался, — отозвался тот. — Находится в медпункте. Ему оказали первую помощь...

Легов резко повернулся, не сказав никому ни слова, быстрыми шагами пересек зал, взбежал по лестнице, толкнул дверь с надписью «Только для персонала», прошел коротким коридором и без стука вошел в помещение медпункта. Медсестра, склонившаяся над кушеткой,

вздрогнула, отступила, собираясь что-то сказать, но Легов молча отстранил ее, подошел к пострадавшему, окинул его неприязненным взглядом.

Крупный немолодой мужчина с перевязанной головой приподнялся на локте, проговорил:

— Я ничего не успел сделать... он подкрался...

— Об этом мы поговорим позже! — оборвал его Легов. — Где ваши ботинки?

— Что? — недоуменно переспросил отставник.

— Обувь! — повторил Легов, поморщившись.

— Вон его обувь! — медсестра ткнула пальцем под кушетку. — И я вас попрошу не травмировать пострадавшего! Он перенес стресс, у него серьезная травма...

Легов с интересом взглянул на сестричку, потом заглянул под кушетку. Там стояли, как два ледокола на приколе, два ботинка примерно сорок шестого размера.

Значит, след оставил все-таки преступник...

— Возможно, у него сотрясение мозга! — добавила решительная медсестра, оставив за собой последнее слово.

Диван, покрытый бежевым пледом, вдруг зашевелился, и на свет божий выполз огромный рыжий котиче с самой разбойничьей мордой. Он уселся поудобнее и поднял одно ухо, прислушиваясь. В квартире стояла тишина, из кухни не доносилось никаких обнадеживающих звуков — ни звяканья посуды, ни чмоканья дверцы холодильника. Кот разочарованно оглядел заставленную старинной мебелью комнату, потом неожиданно спрыгнул на пол, царапнул когтями узорный паркет, а оттуда взвился на подоконник, где стояли два горшка с колючими кактусами. Кот распушил усы и стал подкрадываться к кактусам. Он прекрасно знал об их коварстве,

и не далее как позавчера хозяин вытаскивал колючку из мягкой подушечки на лапе, но хулиганская природа брала свое.

Однако кактусы были начеку, они угрожающе топорщили все свои колючки. Кот тяжело вздохнул, смирившись, и перепрыгнул с подоконника на комод красного дерева. Там он исследовал два подсвечника, не нашел в них для себя ничего интересного, уселся поудобнее и принялся наблюдать за маятником на старинных бронзовых часах. За этим занятием и застал его вышедший из ванной хозяин.

— Доброе утро, Василий! — приветствовал он кота. — Как поживаешь?

Кот не ответил, поглядел сердито — мол, не трать время даром, иди на кухню и корми кота завтраком.

Дмитрий Алексеевич Старыгин не обиделся. Больше всего на свете он любил три вещи: свою работу, своего кота Василия и спокойную жизнь. Работу в свое время он выбрал тихую, можно сказать, кабинетную — реставратор — и достиг на этом поприще больших успехов. Отдыхать он любил тоже тихо — с книгой и котом на коленях, если зимой — то перед горящим камином, а летом — в гамаке, подвешенном в тени деревьев. Оттого Дмитрий Алексеевич и не женился, тогда уж точно покоя не будет. Да и кот Василий ужасно ревновал его ко всем знакомым особам женского пола и старался сделать их пребывание в квартире Старыгина как можно менее приятным. Разумеется, это ему удалось.

Старыгин почесал кота за ухом и прошел на кухню. В отличие от всех остальных помещений в квартире в кухне было чисто, светло и просторно.

Прежде всего Старыгин положил коту солидную порцию консервов, затем разогрел на сковородке два

больших куска итальянского серого хлеба, смазал их оливковым маслом и положил сыр и помидоры. Он тяготел ко всему итальянскому — художникам, городам, итальянской пасте, сыру гарганзола и соусу болоньезе.

Кот, выждав некоторое время, явился на кухню, убедился, что еда лежит в миске, и уселся на соседний стул. Помидоры его не впечатлили, он негодуяще фыркнул. Старыгин расправился с бутербродами, заправил медную турку и отвернулся к плите, наблюдая за кофе. Кот мигом вскрыл когтистой лапой упаковку порционных сливок и вылакал ее тут же, на столе.

— Василий, — с неподдельной нежностью сказал хозяин, — тебе нельзя жирного...

В ответном шипении кота Старыгин уловил, что ему тоже нельзя, и тяжело вздохнул. Не то чтобы он сильно растолстел в последнее время, однако появилась пара лишних килограммов. При его сидячем образе жизни нужно ограничивать себя в еде...

Он тут же подумал, что насчет спокойного сидячего образа жизни он не совсем прав. За последний год он, кажется, только и делает, что расследует сложные и запутанные происшествия, что происходят в Эрмитаже, путешествует, причем не всегда легально, подвергает свою жизнь опасности, плохо и нерегулярно питается, мало и неудобно спит. Однако самому себе Дмитрий Алексеевич мог признаться, что такая беспокойная жизнь ему не то чтобы нравится, но бытовые трудности отступают на задний план, когда он с головой окунается в очередное приключение. В который раз Старыгин подумал, что в роду у него, наверное, были пираты и конкистадоры, флибустьеры, контрабандисты и авантюристы всех мастей, раз уж он неожиданно обнаружил в себе такие склонности.

— И вовсе незачем на меня шипеть, — заметил он коту, — лишний вес у нас с тобой появился именно сейчас, за несколько месяцев спокойной жизни.

Если бы кот Василий мог нахмурить брови, он бы сделал это немедленно. Кот очень не любил, когда его долго оставляли одного на попечение старушки-соседки.

Старыгин ловко подхватил убегающий кофе, налил в старинную саксонскую фарфоровую чашку, положил сахар и после недолгого размышления решил-таки отказаться от сливок. Кот съел свой завтрак и прыгнул к хозяину на колени.

Кофе был хорош, кот тоже.

Дзынь-нь! Старинные часы в соседней комнате пробили половину десятого.

— Надо идти служить, — со вздохом сказал Старыгин и спустил кота на пол.

Он надел ботинки, зажал под мышкой портфель и осторожно приоткрыл дверь. Кот Василий мог выскочить на лестницу и устроить представление под названием «Поймай меня, если сможешь!». Вниз котище никогда не бежал, он вовсе не хотел на улицу — там машины, собаки и скоро вообще похолодает. Огромными прыжками кот несея вверх, на чердак, причем останавливался на каждой площадке и оглядывался через плечо, не слишком ли быстро он бежит. Его цель была — заставить хозяина бежать следом, протягивать руки и не терять надежды на поимку беглеца. Наивысшее везение кота случалось пару раз, когда бомжи ломали замок на двери чердака — тогда можно было всласть побегать по чердаку, погонять перепуганных голубей, как следует вымазаться в копоти и многовековой пыли. Потом дать себя поймать, перепачкать хозяина, долго вылизываться в кресле и с полным удовлетворением констатировать, что день прожит не напрасно.

Поэтому Дмитрий Алексеевич во время ежедневного ухода из квартиры всегда был начеку, он внимательно следил за котом, пытаясь вовремя угадать и пресечь его преступные намерения, и не заметил никого на площадке.

Наконец дверь была заперта, кот остался внутри, Старыгин перевел дух и тут услышал мелодичный голос.

— Простите, — обратилась к нему светловолосая молодая женщина, стоящая у соседней двери и застенчиво улыбающаяся, — вы не поможете мне открыть дверь? Замок заедает... Я — сестра Лены, — заторопилась она, увидев, надо полагать, в глазах Старыгина вполне объяснимую настороженность, — из Воронежа... Они сейчас в отпуске, а я вот тут...

— Похожи, — улыбнулся Дмитрий Алексеевич, вспоминая соседей, довольно приятную пару. Жена, миниатюрная блондинка, и впрямь чем-то напоминала его собеседницу. Светлые волосы, собранные на затылке, непослушные кудряшки на щеках... Эта, пожалуй, была красивее, но Старыгин постеснялся сделать ей комплимент — еще подумает, что он несерьезный тип, который не пропустит ни одной привлекательной особы женского пола.

Он взял из рук женщины ключи и передал ей свой портфель, чтобы не ставить его на пол. Ключ повернулся довольно легко, просто нужно было прижать дверь посильнее.

— Вы — настоящий волшебник! — восхищенно вскричала блондинка. — Как мне вас благодарить? Если бы не вы, я бы, наверное, целый час провозилась!

Она распахнула дверь, и в это время где-то в глубине квартиры зазвонил телефон. Блондинка сбросила туфли и помчалась по коридору на звонок. Старыгин, глядя ей вслед, отметил узкие ступни, тонкие щиколотки и со-